

УДК 93/94

DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-81-90

«БОЛЬШЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ ГОДИТСЯ»: КРИТИКА ПЕРВОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ СССР СОВЕТСКИМ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИМ СООБЩЕСТВОМ

Н. В. Тихомиров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследована проблема восприятия и оценки советским научным и педагогическим сообществом конца 1930-х гг. первого стабильного учебника по истории СССР под редакцией А. В. Шестакова (1937). Обобщены и проанализированы критические суждения современников (историков-исследователей и учителей-практиков), данные в связи с подготовкой и последующим регулярным использованием учебника. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью исторического образования и просвещения в современном российском обществе, а также востребованностью опыта предшествующих поколений историков в названных направлениях. Целью настоящей работы является комплексное исследование оценок, теоретических воззрений и методических позиций, сформулированных в процессе подготовки и апробации учебника по истории СССР для 3-х и 4-х классов, разработанного авторским коллективом МГПИ им. Бубнова. В качестве основы источниковой базы исследования использованы материалы Архива РАН и РГАСПИ. На основе изученных архивных документов удалось выявить руководящие идеи и принципы, положенные в основу критики учебника со стороны научных работников и педагогов. Показаны ключевые различия в подходах к оценке учебника со стороны советских историков-марксистов и учителей начальной школы. В ходе ретроспективного анализа предложено аргументированное объяснение различий в позициях рецензентов, определены их идейно-теоретические предпосылки. Полученные выводы позволяют расширить и уточнить научные представления о специфике историографической ситуации, проблемах развития советского исторического образования в период сталинизма, а также лучше понять особенности становления научно-педагогической мысли данного времени. Результаты исследования, представленные в статье, могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблематике развития отечественной исторической мысли, становления советского исторического образования, а также марксистской историографии 1930-х гг.

Ключевые слова: А. В. Шестаков, историография, историческое образование, история СССР, преподавание истории в школе, учебник истории

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Тихомиров Н. В.* «Больше для учителей годится»: критика первого учебника истории СССР советским научно-педагогическим сообществом // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 1. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-81-90>

"MORE SUITABLE FOR TEACHERS": CRITICISM OF THE FIRST TEXTBOOK ON THE HISTORY OF THE USSR BY THE SOVIET SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL COMMUNITY

N. V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the problem of perception and evaluation by the Soviet scientific and pedagogical community of the late 1930s of the first stable textbook on the history of the USSR, edited by A. V. Shestakov (1937). The critical judgments of contemporaries (historians-researchers and teachers-practitioners), given in connection with the preparation and subsequent regular use of the textbook, are summarized and analyzed. The relevance of the study is due to the growing role of historical education and enlightenment in modern Russian society, as well as the demand for the experience of previous generations of historians in these areas. The purpose of this work is a comprehensive study of assessments, theoretical views and methodological positions formulated in the process of preparing and testing a textbook on the history of the USSR for grades 3 and 4, developed by the team of authors of the Moscow State Pedagogical Institute named after Bubnov. Materials from the

Archives of the Russian Academy of Sciences and RSASPH (RGASPI) were used as the basis of the research source base. On the basis of the studied archival documents, it was possible to identify the guiding ideas and principles underlying the criticism of the textbook by scientists and teachers. The key differences in approaches to textbook evaluation by Soviet Marxist historians and elementary school teachers are shown. In the course of a retrospective analysis, a reasoned explanation of the differences in the positions of the reviewers was proposed, their ideological and theoretical prerequisites were determined. The findings allow us to expand and clarify scientific ideas about the specifics of the historiographical situation, the problems of the development of Soviet historical education in the period of Stalinism, as well as to better understand the features of the formation of scientific and pedagogical thought of that time. The results of the study presented in the article can be used in further research on the development of Russian historical thought, the formation of Soviet historical education, as well as Marxist historiography of the 1930s.

Keywords: A. V. Shestakov, historiography, historical education, history of the USSR, teaching history at school, history textbook

The author declares no conflict of interests.

For citation: *Tikhomirov N. V. "More suitable for teachers": criticism of the first textbook on the history of the USSR by the Soviet scientific and pedagogical community. Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law". 2022, vol. 8, no. 1, pp. 81–90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-81-90>*

Историческая наука и практика преподавания истории неразрывно связаны в своем развитии. В рамках научно-исследовательской деятельности происходит приращение новых фактических данных, обогащение существующих представлений о сущности явлений и процессов прошлого. Учебные курсы представляют массив научных достижений в сжатом, концептуально оформленном виде, доступном для широкого восприятия и понимания. Учебное пособие дает обобщенную схему сложного процесса исторического развития, способствуя, с одной стороны, формированию массового исторического сознания, с другой стороны, закрепляя комплекс опорных представлений для последующего развития научного поиска.

Яркий пример такого взаимодействия научной и педагогической мысли дает подготовка и апробация первого советского учебника по отечественной истории для 3-х и 4-х классов, вышедшего в 1937 г. под заглавием «Краткий курс истории СССР». Сегодня для исследователя представляет интерес анализ отношения к указанному научно-методическому труду как самих создателей учебника, так и его первых пользователей – учителей начальной школы. Мнения, высказанные учеными и педагогами по поводу достоинств и недостатков «Краткого курса истории СССР», складывают живую картину развития отечественной науки и педагогики в эпоху сталинизма.

Познавательно взглянуть на спектр оценок, данных современниками первому учебнику по истории СССР. В этих оценках отразились представления научно-педагогического сообщества о подходах к пониманию исторического процесса и его отображению в школьном пособии, о требованиях к написанию школьного учебника, методике преподавания истории. Высказанные суждения звучат актуально и в наше время.

Написание первого марксистского учебника по истории СССР совпало с процессом широкого теоретического обновления исторического знания, становления новой, марксистской парадигмы изучения прошлого [2, с. 168–169]. Развитие советской исторической науки в 1920-е гг. связано с именем М. Н. Покровского, ученого и организатора науки, сыгравшего решающую роль в насаждении методологии материалистического монизма в первое послереволюционное десятилетие. В это время критика, «исходившая от представителей научного сообщества, не нарушала фактически монопольного положения теоретической схемы Покровского в сфере исторического образования и просвещения» [6, с. 50]. С середины 1930-х гг. наметилась тенденция к пересмотру подходов к пониманию истории, утвердившихся в отечественной науке стараниями Покровского. С подачи высшего партийного руководства [14, с. 133–143] сообщество историков приступило к разработке новой концепции отечественной истории в рамках конкурса на

лучший учебник истории СССР [11, с. 78]. Теоретические ориентиры и руководящие указания авторам также были сообщены высшим руководством государства во главе с И. В. Сталиным, приобретшим к тому времени статус ведущего авторитета в области советской исторической науки [10, с. 9]. В свою очередь образовательная среда в данный период «чутко реагировала на изменения, происходившие в области теоретико-методологического поиска» [8, с. 94].

Из числа поданных на конкурс рукописей (всего поступило 46¹) правительственная комиссия во главе с А. А. Ждановым признала лучшим проект учебника, подготовленный группой ученых МГПИ им. А. С. Бубнова под руководством А. В. Шестакова. Этот учебник стал «заметной вехой в развитии советской исторической мысли» [9, с. 403] и на долгое время сделался концептуальной основой формирования массовых представлений о прошлом. Выдержав ряд переизданий (1937–1955), он может считаться каноничной основой исторической памяти советского общества в период сталинизма. В нем, по выражению А. Н. Фукса, были впервые последовательно изложены «основы советской моноконцепции отечественной истории» [12, с. 106].

Авторский коллектив сотрудников МГПИ оказался на острие процесса создания новой марксистской концепции отечественной истории. Таким образом, предложенный ими проект учебника отразил искания, успехи и недочеты, присущие периоду бурных перемен в молодой советской историографии. Учебное пособие, созданное группой Шестакова в кратчайшие сроки, стало, по существу, отражением общего состояния научной и педагогической мысли своего времени со всеми присущими ей родовыми травмами.

Следует отметить, что задача, поставленная государством перед историками, изначально была довольно сложной. Во-первых, в учебнике требовалось отразить принципиально новую концепцию отечественной истории, по сути – создать ее по перечню ориентиров, предложенных партийным руководством. Во-вторых, учебник предназначался для младшего школьного возраста, и, следовательно, должен был сочетать полноту материала и доступность его изложения

¹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 359. Л. 185.

с учетом возрастных особенностей учащихся. Последнее осложнялось не только громадностью объема сведений, которые следовало уложить в двухгодичный курс начальной школы, но и тем, что советские историки, по сути, не имели опыта создания школьных учебников по истории. Это делало задачу подготовки первого стабильного учебника по истории СССР по-настоящему нетривиальной.

В ходе работы над учебником Шестаков (руководитель авторского коллектива и автор большей части глав пособия) отмечал со своей стороны предельно внимательный подход к составлению уроков. «Большинство из них мною переделывались раз по пять, а некоторые по десять, согласно указаниям товарищей методистов, педагогов и нашей научной редакции», – сообщал ученый².

22 мая 1936 г. в МГПИ состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос о состоянии процесса по подготовке нового учебника бригадой историков под руководством А. В. Шестакова. Участники совещания делились своими впечатлениями от представленных авторами наработок. К. Б. Бархин³ выразил мнение, что изложение материала в новом учебнике уступает по качеству дореволюционным пособиям. Он высказал соображение, что «преподаватели старой школы лучше знали школу и ребенка»⁴. Д. Я. Кин в развитие данной мысли отметил, «отрывки, написанные такими товарищами, как Готье», гораздо более доступны для простого понимания, нежели «у наших молодых товарищей»⁵. Ученый указал также, что на авторах нового учебника «лежит проклятая печать работы со взрослыми», что весьма препятствует обретению правильного подхода к детям как целевой аудитории будущего пособия⁶.

Данные замечания весьма показательны, они характеризуют сложную ситуацию, в которой оказалось историческое образование в СССР к середине 1930-х гг. Традиция преподавания истории в школе была нарушена: советские руководители делом народного просвещения (в первую

² АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 638. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 63 об.

³ Зав. кафедрой русского языка, декан факультета русского языка и литературы МГПИ им. А. С. Бубнова.

⁴ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 68 об.

⁵ Там же. Л. 73.

⁶ Там же. Л. 72 об.

очередь Покровский) отринули не только дореволюционные учебники, но и саму потребность в обучении школьников истории. Как отмечает, А. М. Дубровский, «в 1920-х гг. преподавание истории в школах фактически исчезло» [2, с. 140]. Положение осложнялось тем, что после революционное поколение историков, к числу которых принадлежал сам Шестаков и ряд его соавторов, были воспитаны в духе воззрений Покровского и не имели того опыта и представлений, которые позволили бы им быстро овладеть тонкостями написания учебника истории для детей младшего возраста.

В готовом виде проект учебника, поданный на конкурс, содержал 80 уроков, из которых 23 были предназначены для изучения в 3-м классе в объеме 40 часов и 52 урока – для изучения в 4-м классе в объеме 80 часов¹. Чтобы способствовать усвоению материала учащимися начальной школы, в книгу был включен «красочный материал», представленный выдержками из исторических документов и художественных произведений. Для оживления повествования была цитирована речь исторических деятелей².

Работа над проектом учебника проходила под пристальным контролем высшего партийно-правительственного руководства [3]. Проект будущего учебника был разослан для ознакомления представителям научного и учительского сообщества, от которых в конкурсную комиссию поступили отзывы с критикой и предложениями. Крупный историк русского феодального периода С. В. Бахрушин дал положительную оценку труду коллег из МГПИ. При этом ученый отметил некоторые фактические и концептуальные ошибки авторов, указав, к примеру, на узость объяснения причин возвышения Москвы и однобокую характеристику правления Ивана Калиты³ и другое. В похожем ключе выступил ученик Бахрушина – К. В. Базилевич, крупный специалист по истории феодального периода русской истории. Он также оценил проект учебника в целом положительно, указав на ряд огрех фактического и теоретического толка⁴. В. А. Быстрянский, попенял авторам на сухость языка и отметил, что представленная на конкурс рукопись не свободна от фактических ошибок, однако они могут быть

без особого труда исправлены⁵. При этом он назвал работу группы Шестакова «единственным учебником, в основном удовлетворяющим условиям конкурса»⁶. В. И. Пичета отметил в качестве основного достоинства учебника «простой, ясный, доступный для подростков язык, достаточно отчетливое изложение»⁷. Замечания ученого касались фактической и концептуальной сторон работы.

Более категоричен в оценках был Академик АН СССР Б. Д. Греков. Он указал, что учебник «мало приспособлен к детскому возрасту». По тонкому замечанию ученого, книга сотрудников МГПИ являла собой «не столько учебник, дающий все то, что знать учащемуся нужно, сколько конспект, напоминающий о том, что должен знать учащийся»⁸. Суровую оценку труду историков из МГПИ дал Ф. Д. Кретов. 11 февраля 1937 г. он направил председателю конкурсного жюри А. А. Жданову развернутое заключение, в котором указал, что ни один из учебников, поданных на конкурс, не удовлетворяет требованиям, объявленным ранее высшим партийным руководством⁹. Рецензия Кретова заметно отличается от рецензий, представленных другими представителями академического сообщества, во-первых, значительным объемом, во-вторых, концептуальностью. Автора явно заботили не столько строгость изложения фактов и освещение конкретных исторических сюжетов, сколько соответствие написанного критериям, заданным «сверху». При этом рецензента сравнительно мало занимали вопросы дидактической пригодности материала. Эта черта присуща высказываниям почти всех рецензентов от науки. Выраженное внимание к учебнику как собственно методическому инструменту хорошо прослеживается в суждениях представителей «старой школы», примером чему служат упомянутые выше замечания Грекова.

Члены правительственной комиссии во главе с А. А. Ждановым полагали необходимым еще на стадии подготовки материалов подключить к работе педагогов-практиков¹⁰. Таким образом, к рецензированию конкурсных проектов были

⁵ Там же. Л. 106.

⁶ Там же. Л. 101.

⁷ Там же. Л. 167.

⁸ Там же. Л. 108.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 367. Л. 45.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 359. Л. 162.

¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Ед. хр. 106. Л. 3.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 365. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 33–39.

привлечены учителя истории, которые зачастую оказывались еще более суровыми критиками, чем представители научного сообщества. По мнению учителя истории из Киева С. Маргуляна, учебник оказался «поверхностен, схематичен, неконкретен, составлен неряшливо»¹. Учитель одной из Московских школ Абрамсон указал на недостаточную увлекательность учебника, слабо выраженную образность изложения, столь необходимую для книги, нацеленной на детей 10–12-летнего возраста. «Интересные страницы начинаются только, главным образом с XVII в.», – отмечал критик². Рецензент Ниссельсон особо выделил сухой, «можно сказать, черствый» язык учебника, а также стилистическую «неряшливость» авторов³. Учитель истории киевской школы Новобранцев оценил труд группы Шестакова как наиболее подходящий (из числа прочих конкурсных работ) по своему содержанию «к осуществлению основных требований ЦК нашей партии и правительства»⁴. При этом он отметил, что не рассматривает представленный учебник как «труд в его готовом, законченном виде». Среди нареканий рецензент указал сухость изложения, чрезмерную краткость в описании событий, излишнее «упрощенчество», оторванность истории народов СССР от мировой истории⁵.

Нетрудно заметить, что, хотя недовольство учебником (частично или в целом) высказывали с обеих сторон, ученые и учителя, истоки этого недовольства были различными. Представители научного сообщества в большинстве своем ждали от авторов точности фактов и корректной интерпретации, в то время как педагоги рассчитывали получить прежде всего удобное подспорье для учебной работы. Так, примечательно повторяющееся в рецензиях школьных работников указание на отсутствие живости языка повествования, недостаточной полноты в описаниях событий. Бесспорно, труд авторского коллектива МГПИ (как и других авторов) стал своего рода зеркалом ожиданий советского педагогического сообщества.

На совещании учителей в октябре 1936 г. участники обсудили представленные на конкурс

проекты, включая работу группы Шестакова. Педагог ленинградской образцовой школы Гитис посетовала, что «даже самому сильному учителю с самым сильным классом невозможно пройти в урок столько, сколько намечено здесь (в учебнике – Н.Т.)»⁶. Представитель Высшего коммунистического института просвещения Розин в том же ключе заметил, что авторы «дали по содержанию, пожалуй, больше, чем требуется, но не так, как нужно»⁷. Наиболее резким оказался отзыв завуча одной из московских школ, назвавшего учебник вульгарным, состоящим из отрывистых очерков, не позволяющих передать содержание, а тем более составить рассказ⁸.

Интересно отметить, что нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов в записке Жданову от 27 января 1937 г. высказал опасения о том, что учебник группы Шестакова будет слишком труден для освоения учащимися младших классов, и предложил рассмотреть вопрос о переносе преподавания элементарного курса истории СССР в 5-й класс. «Наши авторы писать популярно не умеют», – сетовал Бубнов⁹. Таким образом, нарком выказал солидарность с представителями педагогического сообщества в вопросе о несовершенстве учебника в части объема учебного материала и качества его подачи. Это свидетельствует о том, что в случае с обсуждением проекта учебника имел место диалог, в ходе которого педагоги получили возможность не только высказаться, но и быть услышанными. Приведенное выше признание Бубнова показывает, что критика со стороны учительского сообщества была серьезно воспринята авторами готовящегося пособия.

Впрочем, политическое руководство не разделяло указанных опасений. 22 августа 1937 года редакция «Правды» разместила на передовице постановление правительственной конкурсной комиссии, которая одобрила «Краткий курс истории СССР» под редакцией Шестакова и рекомендовала его в качестве учебника для начальной школы¹⁰. При этом в документе отмечалось, что первая премия в конкурсе так и

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 365. Л. 146.

² Там же. Л. 152.

³ Там же. Л. 156.

⁴ Там же. Л. 163.

⁵ Там же.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 366. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 93.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 359. Л. 17.

¹⁰ Знать историю народов СССР // Правда. 1937. 22 августа. С. 1.

не была присуждена, а значит, «лучший учебник должен совершенствоваться»¹.

Выход в свет учебника Шестакова явился крупным событием для советской науки и педагогики. После начала широкого использования книги в учебном процессе ее активное обсуждение и критика продолжились. Так, 14 ноября 1937 г. состоялось совещание об итогах работы по истории за первую четверть учебного года, на котором представители учительского сообщества обсудили проблемы, возникшие в связи с началом преподавания истории в младших классах по новому учебнику. Председательствующий указал, что «по существу, мы впервые приступили к работе по марксистскому учебнику»². Далее в ходе обсуждения прозвучали замечания педагогических работников – представителей столичных школ. Учительница Врона из Коминтерновского района заявила, что рассматриваемый учебник «порядочно труден» для начальных классов, и потому необходима его тщательная переработка³. Педагог Ширина из Октябрьского района отметила «сгущенность» материала, мешающую детям вычленивать из текста наиболее важные сведения⁴. Ту же мысль озвучила ее коллега из Киевского района: «Учебник слишком сжат и очень насыщен»⁵. Учитель Санникова из 32-й московской школы назвала учебник пригодным для учащихся более старшего возраста: «Для третьих классов он невыносимо труден, для четвертых труден, а для пятых как раз»⁶. В том же ключе рассуждала педагог Дроздова: «Здесь некоторые товарищи говорили о том, что дети третьих классов хорошо понимают материал, но этому трудно поверить»⁷.

В ряде выступлений звучали тезисы о необходимости основательно разъяснить ученикам содержание учебника, что превращает его более в пособие для педагога, нежели школьника. Показательна реплика с места, прозвучавшая в один из моментов совещания и встреченная оживлением в зале: «Может быть, этот учебник больше для учителей годится?»⁸.

Высказывания, прозвучавшие в ходе мероприятия, высвечивают сложную картину отношения работников начального образования к новому учебнику по истории. Озвученные на совещании мысли отражают растерянность одних и энтузиазм других. Первых определенно было больше, и призывы переработать учебник звучали в той либо иной форме довольно часто. В то же время никто не ставил под сомнение полезность учебника как такового – с точки зрения целей возрождавшегося исторического образования его появление стало огромным достижением. При этом учителя, в отличие от научных работников, показали заметное равнодушие к идейно-теоретическому, концептуальному компоненту обсуждаемой книги. Суждения, звучавшие в разной тональности, отразили общее отношение к учебнику как прикладному средству педагогической работы.

Следует отметить, что выход первого марксистского учебника по истории СССР явился событием, далеко выходящим за пределы сугубо школьной среды [1, с. 270]. Советское руководство стремилось придать ему особую социально-культурную значимость. Книга вызвала широкий отклик во всем советском обществе. По прошествии года с момента ее публикации Шестаков сообщал о сотнях писем, полученных им со всех концов страны – как от детей, так и от взрослых читателей⁹. Его коллега по МГПИ и один из соавторов учебника А.С. Нифонтов, изучив некоторые письма, поступившие в «Учпедгиз» в 1937–1938 гг., отмечал критикуемую в них перегруженность многих уроков фактическим материалом¹⁰. Данная критика созвучна неоднократно высказывавшимся прежде замечаниям педагогов, и это, безусловно, показательно. Авторы учебника успешно выполнили задачу по начертанию новой схемы исторического процесса, создав концепцию отечественной истории в соответствии с официально утвердившимся пониманием принципов марксизма-ленинизма. Но, учтя теоретические предписания высшего партийного руководства относительно общего содержания работы¹¹, они не сумели воплотить созданную концепцию в той форме, которая

¹ Знать историю народов СССР // Правда. 1937. 22 августа. С. 1.

² АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 3.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 9 об.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 25 об.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ Там же. Л. 36.

⁹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4.

¹⁰ АРАН. Ф. 638. Оп. 2. Ед. хр. 109. Л. 8 об.

¹¹ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. М., 1937. С. 22–24.

была бы наиболее приемлема для детской аудитории. Потому, по мнению значительного круга заинтересованных лиц, компромисс между научным знанием и дидактикой удался далеко не в полной мере.

Научное сообщество также имело претензии к работе коллег из МГПИ, однако они выдвигались преимущественно на идейном или теоретическом уровне. Историки порой были не согласны с трактовками, степенью полноты освещения принципиально важных, с их точки зрения, событий. Немало замечаний касалось, к примеру, отражения в учебнике периода образования единого Русского государства, опричнины и другое¹.

Нетрудно заметить, что нарекания, выдвигавшиеся как до, так и после начала практического использования учебника, в целом повторяются. Через высказывания советских учителей истории красной нитью проходит мысль о дидактическом несовершенстве предложенного материала. В свою очередь Шестаков отмечал слабую подготовку педагогических кадров, в том числе недостаточное внимание Наркомпроса к этой проблеме. Одним из крупных недостатков в деле организации начального образования ученый назвал отсутствие «нужной литературы» по истории СССР². Последнее замечание было, действительно, актуальным. Долгое время едва ли не единственным пособием для изучения прошлого служили сочинения М. Н. Покровского [13, с. 261–262]. Неоднозначное положение истории как учебного предмета в системе народного образования привело к стагнации педагогической мысли, утраты методических навыков, их слабой развитости у нового поколения историков, в частности выпускников Института красной профессуры – детища Покровского и кузницы кадров стремительно формировавшейся марксистской науки. Таким образом, педагогическое сообщество середины – второй половины 1930-х гг. оказалось заложником общественно-политической ситуации в стране в той же мере, что сообщество историков-марксистов. И школьный учебник 1937 г. явился своеобразным срезом этой непростой ситуации. Сообщество историков «стремилось сохранить преемственность богатой традиции» [7, с. 71] до-

революционного периода, однако по ряду направлений разрыв оказался весьма существенным.

Сравнительный анализ критических замечаний, высказанных учеными, с одной стороны, и педагогами, с другой, выявляет наличие двух взаимодополняющих подходов к итоговой оценке труда авторского коллектива МГПИ. Историки-ученые рассматривали учебник Шестакова, прежде всего, с точки зрения строгости изложения фактов и содержания предлагаемых трактовок событий и процессов. «Краткий курс истории СССР» воспринимался ими (осознанно или нет) преимущественно как научный труд, имевший серьезное фундаментальное значение для становления новой концепции отечественной истории. Историки-учителя в первую очередь обращали внимание на способ изложения материала, его удобность для освоения учениками младшего школьного возраста. В отличие от представителей научного сообщества, они судили о новом пособии в контексте возможности его прикладного использования. При этом примечательно, что педагоги не обращались к идейно-теоретической составляющей учебника и не пытались полемизировать с авторами по части концептуальных основ решения конкретных исторических вопросов. Многочисленные замечания, высказанные учительским сообществом до и после опубликования «Краткого курса истории СССР», показывают высокое внимание педагогов к методике преподавания при почти неразличимом интересе к вопросам научной методологии.

Этим отчасти объясняется то, что коллеги-ученые были подчас заметно мягче в своих суждениях, нежели представители сферы школьного образования. Те и другие руководствовались различным пониманием целей проделанной работы, а соответственно, по-разному подходили к отбору критериев ее оценивания. Хотя в выступлениях ученых-историков звучали порой суждения о недостаточной приспособленности нового учебника для использования в младших классах, такие замечания не носили системного характера для данной группы рецензентов, в отличие от заявлений педагогов-практиков. Таким образом, «Краткий курс истории СССР» оказался объектом как научной, так и методической критики, а кроме того, критики идеологической. В дискуссии по поводу первого марксистского учебника по истории СССР

¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 47.

² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 10.

сошлись теоретики и практики, но не в качестве противоборствующих сторон, а как носители диалектически взаимодополняющих позиций.

В результате реформы системы школьного исторического образования (1959) преподавание элементарного курса отечественной истории было передвинуто с 3–4 годов обучения в 7–8 классы¹. Таким образом, скептическая позиция учителей, широко заявленная в период подготовки и апробации учебника Шестакова, в итоге победила в споре с консолидированной позицией ученых-марксистов. Отчасти этот спор был окончен заочно: А. В. Шестаков скончался в 1941 г., не пережив большинства последующих изданий «Краткого курса истории СССР», который печатался и применялся в школах с 1937 по 1956 годы [13, с. 358]. Начиная с 1960-х годов ученики младшей школы знакомились только с эпизодическими рассказами об истории СССР², для средней школы были написаны новые учебники, авторами которых были в известной мере учтены замечания и пожелания учительского сообщества, высказывавшиеся с конца 1930-х годов.

Исследование архивных материалов показывает, что большинство нареканий со стороны советских педагогов по поводу первого марксистского учебника истории СССР касалось не столько содержательного наполнения книги, сколько реализованной в ней методики подачи материала. Задуманная как учебник для младшей школы, она в долгой перспективе не оправдала себя в таком статусе. Это, впрочем, не умаляет высокой исторической значимости труда А. В. Шестакова и его коллег из МГПИ. Он остается замечательным памятником трудного

взаимодействия молодой советской педагогики и научной мысли, пребывавшей в состоянии концептуального переустройства. Изучение проблемы восприятия «Краткого курса истории СССР» профессиональным сообществом историков и учителей конца 1930-х гг. позволяет лучше понять состояние образовательной среды и научной мысли в их единстве и функциональной взаимосвязанности. Анализ взаимодействий внутри треугольника *власть – наука – педагогика* показывает становление советской исторической концепции и методики преподавания истории в школе в их диалектическом взаимодействии. Соображения теоретического и прикладного толка, представленные участниками широкого обсуждения рассмотренного периода, содержат немало посылов, актуальных и для современной ситуации вокруг исторического образования и просвещения.

По наблюдениям современных исследователей, текущая ситуация в данной сфере характеризуется усилением тенденции к инструментализации школьного курса истории как формы идейно-политического воспитания подрастающего поколения [5, с. 136]. Такое внимание к проблеме со стороны государственного руководства обусловлено закономерным стремлением к консолидации исторической памяти [4, с. 111]. В условиях наблюдаемой радикализации внутренних и внешних вызовов, с которыми наша страна столкнулась в настоящее время, установка на выработку и закрепление в общественном сознании системы взвешенных, научно обоснованных представлений об историческом процессе в России представляется важной задачей, напрямую связанной с обеспечением национальной безопасности в духовно-нравственной сфере. В этой связи обращение к опыту дискуссий вокруг первого советского школьного учебника по истории СССР представляется полезным в части реализации целей и задач современного школьного исторического образования в его теоретико-методической части.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 8 октября 1959 г. «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М. : Педагогика, 1974. С. 196.

² Там же.

1. Бушик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М. : АПН РСФСР, 1961. 540 с.
2. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 622 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41395675> (дата обращения: 22.09.2021).
3. Зеленев М. В. Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории СССР (1934–1936 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3–30.
4. Иванова Т. Н. Школьный учебник и историческая память: анализ отечественной учебной литературы по истории в XX веке // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 111. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-99-114>

5. Сушенцова В. Г. Потерянные в веках: как изучают историю современные российские школьники // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 136. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-127-141>
6. Тихомиров Н. В. А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1. С. 49–55. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.005>
7. Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-64-72>
8. Тихомиров Н. В. Отражение борьбы за новую концепцию истории СССР в программах курсов истории для вузов (1930-е гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 1. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-1-88-95>
9. Тихомиров Н. В. Отражение процесса централизации русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. № 4. Т. 6. С. 401–406. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406>
10. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27554413> (дата обращения: 23.09.2021).
11. Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22900418> (дата обращения: 25.09.2021).
12. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21178897> (дата обращения: 22.09.2021).
13. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). 2-е изд., доп. М. : МГОУ, 2017. 420 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32238790> (дата обращения: 25.09.2021).
14. Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. 2-е изд. М. : РГГУ, 2019. 765 с.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 19.01.2022.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович

кандидат исторических наук, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tikhomirov_n@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bushchik L. P. Oчерk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [Essay on the development of school history education in the USSR]. М., APN RSFSR Publ., 1961, 540 p. (In Russ.).
2. Dubrovsky A. M. Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.) [Power and historical thought in the USSR (1930s–1950s)]. М., ROSSPEN Publ., 2017, 622 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41395675> (accessed 22.09.2021). (In Russ.).
3. Zelenov M. V. Kak Stalin kritikoval i redaktiroval konspekty shkol'nykh učebnikov po istorii SSSR (1934–1936 gody) [How Stalin criticized and edited the abstracts of school textbooks on the history of the USSR (1934–1936)]. *Voprosy istorii* = Issues of History, 2004, no 6, pp. 3–30. (In Russ.).
4. Ivanova T. N. Shkol'nyi učebnik i istoricheskaya pamyat': analiz otechestvennoi učebnoi literatury po istorii v XX veke [School textbook and historical memory: analysis of Russian educational literature on history in the XX century]. *Zapad – Vostok* = West – East, 2020, no. 13, pp. 111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-99-114>
5. Sushentsova V. G. Poteryannie v vekakh: kak izuchayut istoriyu sovremennye rossiiskie shkol'niki [Lost in centuries: how modern Russian schoolchildren study history]. *Zapad – Vostok* = West – East, 2020, no. 13, pp. 136. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-127-141>
6. Tikhomirov N. V. A. V. Shestakov kak vedushchii kritik istoricheskoi kontseptsii M. N. Pokrovskogo vo vtoroi polovine 1930-kh gg. [A. V. Shestakov, as a leading critic of the historical concept of M. N. Pokrovsky in the second half of the 1930s]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* = Herald of Humanitarian Education, 2021, no. 1, pp. 49–55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.005>
7. Tikhomirov N. V. Ideino-politicheskii aspekt polemiki vokrug istoricheskoi kontseptsii M. N. Pokrovskogo v 1930-e gg. [Ideological and political aspect of debates around M. N. Pokrovsky's historical concept in the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo*

gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, 2020, no. 1, pp. 64–72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-64-72>

8. Tikhomirov N. V. Otrazhenie bor'by za novuyu kontseptsiyu istorii SSSR v programmakh kursov istorii dlya vuzov (1930-e gg.) [Reflection of the struggle for a new concept of the history of the USSR in the programs of history courses for universities (1930s)]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"* = Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law", 2021, vol. 7, no 1, pp. 88–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-1-88-95>

9. Tikhomirov N. V. Otrazhenie protsessa tsentralizatsii russkogo gosudarstva v shkol'nykh uchebnikakh istorii kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg. [Reflection of the process of the Russian state centralization in school history textbooks of the late 1930s - early 1950s]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"* = Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law", 2020, vol. 6, no 4, pp. 401–406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406>

10. Tikhonov V. V. Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.) [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s – 1953)]. M., St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, 424 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27554413> (accessed 23.09.2021). (In Russ.).

11. Tikhonov V. V. Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka: Ocherki [Historians, ideology, power in Russia of the twentieth century: Essays]. M., IRH RAS Publ., 2014, 218 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22900418> (accessed 25.09.2021). (In Russ.).

12. Fuks A. N. Formirovanie sovetskoi monokontseptsii otechestvennoi istorii i ee otrazhenie v shkol'nom uchebnike A. V. Shestakova [Formation of the Soviet monoconcept of the Russian history and its reflection in school textbook edited by A. V. Shestakov]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science, 2009, no. 2, pp. 104–113. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21178897> (accessed 22.09.2021). (In Russ.).

13. Fuks A. N. Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskiy fenomen (konets XVIII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.) [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (late 18th century - second half of the 1930s)], 2nd ed., revised. M., MSRU Publ., 2017, 420 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32238790> (accessed 25.09.2021). (In Russ.).

14. Yurganov A. L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo: zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma [Russian national state: the life world of historians of the era of Stalinism]. M., RSUH Publ., 2019, 765 p. (In Russ.).

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 19.01.2022.

About the author

Nikita V. Tikhomirov

Ph. D. (History), Senior Lecturer, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>, tikhomirov_n@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript